

Т.В. Панич*

«СИБИРСКИЕ ПОСЛАНИЯ»
ИГНАТИЯ (РИМСКОГО-КОРСАКОВА)
В СОСТАВЕ КНИГИ ДМИТРИЯ РОСТОВСКОГО
«РОЗЫСК О РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ БРЫНСКОЙ ВЕРЕ»**

doi:10.31518/2618-9100-2025-3-2
УДК 821.161'01"16"

Выходные данные для цитирования:

Панич Т.В. «Сибирские послания» Игнатия (Римского-Корсакова) в составе книги Дмитрия Ростовского «Розыск о раскольнической брынской вере» // Исторический курьер. 2025. № 3 (41). С. 28–38.

URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-02.pdf>

T.V. Panich*

“SIBERIAN EPISTLES”
BY IGNATIY (RIMSKY-KORSAKOV)
IN THE STRUCTURE OF DIMITRI ROSTOVSKY’S BOOK
“THE SEARCH FOR THE SCHISMATIC BRYN FAITH”**

doi:10.31518/2618-9100-2025-3-2

How to cite:

Panich T.V. “Siberian Epistles” by Ignatiy (Rimsky-Korsakov) in the Structure of Dimitri Rostovsky’s Book “The Search for the Schismatic Bryn Faith” // Historical Courier, 2025, No. 3 (41), pp. 28–38.

[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-3-02.pdf>]

Abstract. Among the numerous sources (including the works of foreign authors) attracted by Dimitri Rostovsky when writing the treatise “The Search for the schismatic Bryn faith” (1709), a certain place belongs to “Siberian Epistles” of Ignatiy (Rimsky-Korsakov) (1696). The purpose of the article is to consider the specifics of the use of this source by the author of the “Search” and the definition of his place and role in the treatise. Dimitri Rostovsky turned to the “Siberian Epistles” in the third part of the book. He used the source to show the “evil deeds” of the Old Believers (the eighth chapter is called that: “On the deeds of evil”) based on real and fictional events and facts described in the messages. From the first and second epistles of Metropolitan Ignatiy, the author of the “The Search” borrowed information concerning the biographies and facts of the anti-church activities of the main ideological leaders of the Ural-Siberian Old Believer movement and their views: Iosif Astomen, Yakov Lepikhin, Avraamiy Vengerskiy (he noted the difference in their attitude to the doctrine of voluntary death as an extreme form of protest, to the question of the image of the coming of the Antichrist, etc.). Dimitri Rostovsky was most interested in the third epistle, which is the most extensive and differs from the first and second epistles both in its compositional structure and content. From here, he drew texts on the topic of mass Old Believer self-immolations, as well as stories that reflect the theme of magic, witchcraft, and contain miracles and omens. The author of the “Search”, as well as the author of its source, used the accusation of Old Believers in witchcraft in order to discredit their teachings and ritual practices. Based on the texts of the “Siberian Epistles”, six chapters of the third part of The Search were written (from the eighth to the thirteenth). A comparative analysis of the texts allowed us to determine which chapters or plots were borrowed. It was also possible to identify some of the features of Dimitri Rostovsky’s work with sources. Drawing on the narrative material of the “Siberian Epistles”, the writer used it in accordance with the objectives of his treatise. He did not just quote the finished text, but resorted to various ways of editing it: free retelling, shortening, changing the style, clarifying the meaning of individual phrases, renaming the names

* **Тамара Васильевна Панич**, доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: panich.t@yandex.ru

Tamara Vasilievna Panich, Doctor of Philological Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: panich.t@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

of the subjects involved, etc. It can be stated that Ignatij's "Siberian Epistles" are one of the most significant texts in "The Search". The epistles occupy an important place in his compositional structure, forming the basis of several chapters of the third part of the book. For the author of "The Search", they became a valuable source of information on the history of the Old Believer movement in Siberia, events and facts about the real participants in the Ural-Siberian protest and their leaders, as well as on the history and ideology of the split in general, which Dimitri Rostovsky was not familiar with before, as he himself wrote about it in the preface of the book.

Keywords: Dimitri Rostovsky, Ignatij (Rimsky-Korsakov), "The Search for the schismatic Bryn faith", Old Believers, "Siberian Epistles".

The article has been received by the editor on 09.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Среди многочисленных источников (в том числе трудов западных авторов), привлеченных Дмитрием Ростовским при написании трактата «Розыск о раскольнической брынской вере» (1709 г.), определенное место принадлежит «Сибирским посланиям» Игнатия (Римского-Корсакова) (1696 г.). Цель статьи – рассмотрение особенностей использования данного источника автором «Розыска» и определение его места и роли в трактате. Дмитрий Ростовский обратился к «Сибирским посланиям» в третьей части книги. Он использовал источник с целью показать «злые дела» старообрядцев (восьмая глава так и названа – «О делах злых») на основе реальных и вымышленных событий и фактов, описанных в посланиях. Из первого и второго посланий митрополита Игнатия автор «Розыска» заимствовал сведения, касающиеся биографий и фактов антицерковной деятельности главных идейных вождей урало-сибирского старообрядческого движения и их воззрений: Иосифа Астомена, Якова Лепихина, Авраамия Венгерского (он отметил разницу в их отношении к учению о добровольной гибели как крайней форме протеста, к вопросу об образе пришествия антихриста и др.). Наибольший интерес Дмитрия Ростовского вызвало третье послание, самое пространное и отличающееся от первого и второго посланий и по своей композиционной структуре, и по содержанию. Отсюда он привлек тексты на тему массовых старообрядческих самосожжений, а также повести, которые отражают тему волшебства, чародейства, содержат чудеса и знамения. Автор «Розыска», как и автор его источника, использовал обвинение старообрядцев в колдовстве с целью дискредитации их учения и обрядовой практики. На основе текстов «Сибирских посланий» были написаны шесть глав третьей части «Розыска» (с восьмой по тринадцатую). Сопоставительный анализ текстов позволил определить, какие именно главы или сюжеты были заимствованы. Удалось также выявить некоторые особенности работы Дмитрия Ростовского с источниками. Привлекая повествовательный материал «Сибирских посланий», писатель использовал его в соответствии с задачами своего трактата. Он не просто цитировал готовый текст, но прибегал к разным способам его редактирования: вольному пересказу, сокращению, изменению стилистики, уточнению смысла отдельных фраз, переименованию названий привлекаемых сюжетов и др. Можно констатировать, что «Сибирские послания» Игнатия (Римского-Корсакова) являются одним из наиболее значимых текстов в составе «Розыска». Послания занимают важное место в его композиционной структуре, составляя основу нескольких глав третьей части книги. Они стали для автора «Розыска» ценным источником сведений по истории старообрядческого движения в Сибири, событий и фактов о реальных участниках урало-сибирского протеста и их лидерах, а также по истории и идеологии раскола в целом, с чем Дмитрий Ростовский не был прежде знаком, как он сам об этом писал в предисловии книги.

Ключевые слова: Димитрий Ростовский, Игнатий (Римский-Корсаков), «Розыск о раскольниковской брынской вере», старообрядцы, «Сибирские послания».

Статья поступила в редакцию 09.04.2025 г.

Среди сочинений второй половины XVII – начала XVIII в., направленных на борьбу с расколом Русской православной церкви, заметное место занимает трактат известного церковного деятеля, писателя и проповедника, выпускника Киево-Могилянской коллегии, святого Русской православной церкви Димитрия Ростовского¹ – «Розыск о раскольниковской брынской вере, о учении их, о делах их и изъявление, яко вера их не права, учение их душевредно и дела их не богоугодна» (далее – «Розыск»). Сочинение было написано в 1709 г. (закончено в марте). Первое издание книги состоялось уже после смерти автора, в 1745 г. Впоследствии она много раз переиздавалась. Только в Москве в XVIII в. было сделано еще три выпуска книги². «Розыск» имеет строго организованную, логически выстроенную упорядоченную композиционную структуру. Сочинение состоит из предисловия и трех частей. Первая часть – «О вере раскольниковской», вторая – «О учении раскольниковском», и третья – «О делах раскольниковских». Каждая из них делится на «статьи», в свою очередь разбитые на небольшие разделы или главы.

В предисловии Димитрий Ростовский разъясняет мотивы своего обращения к теме разбора и обличения учения поборников «старой веры». Он упоминает две ранее изданные «изрядные» книги, написанные «против раскольниковского упорства», – «Жезл правления» Симеона Полоцкого (М., 1667) и «Увет духовный» Афанасия Холмогорского (М., 1682). Он высоко оценивает эти книги и подчеркивает, что они содержат «лучшие ответы на возражение умствования безумного противников святой Церкви». Но поскольку писатель не уверен в том, что эти книги имеются в ростовской епархии, он полагает, что возникла необходимость в новом сочинении для борьбы с «брынским» расколом и просвещения паствы. Однако главное, на что следует здесь обратить внимание, это то, что митрополит Димитрий рассматривает написание «Розыска» как свой пастырский долг. По мнению ростовского митрополита, пастырю не подобает бездействовать перед лицом опасности, грозящей его духовным чадам: «Того ради краткую сию книжицу по должности моей написах, находящим бо волком на стадо, не подобает пастырю сном одержиму быти»³.

И.А. Шляпкин отмечал, что Димитрий Ростовский вплотную занялся книгой по теме раскола в конце 1708 – начале 1709 г., к этому времени были готовы черновые тексты автора, полагавшего работу по написанию «Розыска» приоритетной, отложившего в связи с этим другие письменные труды и осуществлявшего сбор дополнительных материалов для реализации своего замысла⁴.

Среди многочисленных источников (в том числе трудов западных авторов)⁵, привлеченных Димитрием Ростовским, отмечаются тексты, содержание которых непосредственно связано с темой раскола. Речь идет о «Сибирских посланиях» тобольского и сибирского

¹ О жизни и деятельности писателя см.: Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. См. также: Федотова М.А. Димитрий // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 8–17; Федотова М.А. Святитель Димитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса. Исследование и тексты. СПб., 2022.

² Димитрий Ростовский. Розыск о брынской вере. М., 1755; М., 1762; М., 1783 (см.: Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века / сост. А.С. Зернова, Т.Н. Каменева. М., 1968. С. 133, 183, 214–215, 352).

³ Цит. по имеющемуся в доступе изданию (текст сочинения напечатан в неизменном виде): Димитрий Ростовский. Розыск о раскольниковской брынской вере. М., 1762. Л. 3. Далее при цитировании текста указание на листы издания приводится в скобках после цитаты.

⁴ Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709)... СПб., 1891. С. 441–443.

⁵ Некоторые источники названы И.А. Шляпкиным (Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время... С. 448).

митрополита Игнатия (Римского-Корсакова)⁶. Рассмотрению особенностей их использования, места и значения данного источника в составе текста «Розыска» посвящена наша статья.

С «Сибирскими посланиями» Димитрий мог познакомиться во время пребывания в Москве, куда он приехал 10 февраля 1701 г. в качестве кандидата в митрополиты на Тобольскую кафедру. В это же время там находился и автор «Сибирских посланий» – тобольский митрополит Игнатий, прибывший в столицу годом ранее (12 февраля 1700 г.) и вскоре объявленный невменяемым после тяжелого конфликта с патриархом Адрианом (и другими архиереями) и отправленный на покой⁷. С 16 марта по 3 апреля он находился в Чудовом монастыре, затем был переведен в Симонов монастырь, где скончался 13 мая 1701 г. В отпевании и погребении митрополита Игнатия принимал участие будущий автор «Розыска» Димитрий (Туптало), избранный новым митрополитом в Сибирь, куда из-за болезни и других обстоятельств так и не отправился (в Москве он оставался до своего назначения в январе 1702 г. митрополитом Ростовским и Ярославским). После смерти Игнатия к Димитрию перешла часть его библиотеки⁸, в которой мог находиться и список «Сибирских посланий». В то время когда Димитрий еще оставался тобольским митрополитом, он наверняка интересовался делами вверенной ему епархии, изучал документы и другие материалы, среди которых могли быть и «Сибирские послания». Как бы то ни было, ко времени создания «Розыска» текст посланий был ему хорошо известен и, судя по тому, как он используется в трактате, досконально проанализирован.

Димитрий Ростовский обратился к тексту «Сибирских посланий» в третьей части своего трактата. Послания митрополита Игнатия представляли для него ценность как источник ранее неизвестных (или мало известных) ему сведений и фактов, относящихся к теме церковного раскола. Писатель сам признается в этом, приступая к описанию «злых раскольнических дел». В начале восьмой главы (входящей во вторую статью) автор «Розыска» пишет: «Не от себе же предложим, аз бо смиренный не в сих странах рожден и воспитан, ниже слышах когда о расколах, в стране сей обретающихся, ни о лесах брынских, ни о скитах, ни о разнствии вер их, ни о делех их. Но уже zde, по Божию изволению и по указу государеву жити начен, уведах слухом от многих доношений. Предложим убо та, яже подлинно от неложных повествователей уведахом, ово от самовидцов слышахом, овая же на писме прияхом» (л. 14 третьего счета). И далее Димитрий Ростовский называет свой источник, кратко представив читателю автора привлеченного текста, тему и место его написания, а также сообщает о назначении посланий: «В начале предложим некая от блаженныя памяти преосвященнаго Игнатия, митрополита Сибирскаго от триех его посланий, яже он во дни своего в Сибири пастырства писал во всю епархию свою, обличая и истребляя бред расколническаго еретичества, верныя же увещевая не прелщатися душевредными еретичествы» (л. 14–14 об. третьего счета). Столь же точно автор «Розыска» обозначает границу, до которой он пользовался текстом «Сибирских посланий»: «Дозде от триех посланий преосвященнаго Игнатия, архиереа Сибирскаго» (л. 21 об. третьего счета).

⁶ «Сибирские послания» составляют комплекс из трех разных по объему сочинений в форме окружных пастырских посланий, работа над которыми была завершена митрополитом Игнатием 12 апреля 1696 г. Они направлены против действовавших на Урале и в Сибири противников церковной реформы и их лидеров. Л.Б. Воронова выявила четырнадцать списков конца XVII–XIX в. данного эпистолярного комплекса, двенадцать из которых представляют Пространную редакцию, остальные два – Сокращенную (см.: Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198). Послания опубликованы нами по списку, подаренному митрополитом Игнатием его другу – Афанасию Холмогорскому (см.: Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247). В статье использована данная публикация.

⁷ Подробности и обстоятельства приведшего к конфликту инцидента в крестовой палате патриарха и его последствий изложены в кн.: Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 142–148.

⁸ Никулин И.А. Игнатий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 127.

Таким образом, Дмитрий Ростовский обращался к посланиям митрополита Игнатия в шести главах (с восьмой по тринадцатую) второй статьи третьей части «Розыска». В этих главах, за исключением последнего сюжета тринадцатой главы (имеется в виду рассказ о самосожжении староверов в Устюжском уезде), использован текст посланий митрополита Игнатия⁹.

Вначале Дмитрий Ростовский делает своеобразный обзор первого и второго посланий. Помимо этих двух посланий, писатель привлекает здесь также материал из третьего послания. Например, из глав 25-й («Паки о армине Иосифе Астомене») и 53-й («О проклятом Лепихине и о жидовине Венгерском»). Рассмотрению этих текстов посвящена небольшая восьмая глава, названная им «О делех раскольнических злых и о учителях их». Из текстов сибирского митрополита автор «Розыска» заимствует сведения, касающиеся биографий и антицерковной деятельности главных идейных вождей урало-сибирского старообрядческого движения: Иосифа Астомена, Якова Лепихина, Авраамия Венгерского и др. Он останавливается на отличительных особенностях взглядов урало-сибирских расколуучителей по отношению к крайней форме протеста – самосожжению («огненной смерти») и эсхатологическим представлениям об образе пришествия антихриста («мысленном» или «чувственном»). При этом Дмитрий Ростовский обращается к фактам, касающимся непосредственно тех адептов «старой веры», «розыску» (исследованию и обличению) учения которых посвящена его книга. Он делает замечание о том, что в брынских лесах действует скит «чувственников», которые, как он полагает, являются последователями учения Авраамия Венгерского: «Есть же и донныне в брынских лесах скит чувственников глаголемых, их же мним произшедших от онаго Аврамка жидовина, прозванием Венгерскаго, чернца лживаго» (л. 15 третьего счета).

Используя второе послание митрополита Игнатия, автор «Розыска» обращает внимание на те фрагменты текста, где тобольский архиерей обличал Иосифа Астомена и Якова Лепихина в злословии на православную веру и в ереси, и на основе слова Ипполита, папы Римского, «О скончании мира и о антихристе» доказывал истинность троеперстия, а также порицал вожжаков раскола за то, что они присваивают функции священства будучи «простецами». Дмитрий Ростовский заимствует из первых двух посланий также обвинительные рассуждения митрополита Игнатия о том, что «новые учителя» увлекают старообрядцев идеей «огненной гибели», преследуя при этом свои корыстные интересы. Святитель пишет: «Во втором послании своем преосвященный Игнатий, архиерей Сибирский, сказует, яко лжеучители онии, учащие людей сожигатися, собравше себе ученики и единомысленныя други и поспешники злым делам своим, сие лютое и безчеловечное творяху беззаконие и мучителство. Многия прелстивше и в пустая места заведше жены, и девы, и отрочата, первее оскверняху тех всяким блудом, та же во избы на то в лесах уготованныя, затворяху оныя и, закрепивше вход, сожигашу. А имения их взимаху себе. И тако сугубою смертию погубляху прелщенных, душу и тело убивающе: душу грехом, тело же огнем» (л. 15 об. третьего счета). Дмитрий Ростовский допускает в данном случае неточность. Он дает отсылку ко второму посланию Игнатия, хотя в действительности привлекает (вольно цитирует) здесь не только второе, но и первое послание, контаминируя текст следующих фрагментов из них: 1). «Изведше убо такового с правой святыя Церкви мысли, отводят в дебрь, и в лесы, и пустая места. И вся имения его чювственная предразграбивше, возьмут, учат, еже самим себе сожигати и пагубе временной и к началу себе вечнаго огня уготовляти» (первое послание)¹⁰; 2). «И сии окаяннии учат, веляще учеником своим отступати православия и, арменскую веру держа, сожигати себе. Овых же и сожгоша» (второе послание, с. 173).

⁹ В остальных главах третьей части «Розыска» Дмитрий Ростовский использовал другие источники. Один из них – «Послание священника Иосифа» – рассмотрен Е.М. Юхименко. См.: Юхименко Е.М. Неизвестный источник «Розыска о раскольнической брынской вере» Дмитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 1996 г. Ростов, 1997. С. 155–161.

¹⁰ Цит. по: Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России... С. 166. Далее при цитировании текста указание на страницы публикации приводится в скобках после цитаты.

Наибольший интерес Дмитрия Ростовского вызвало третье послание, самое пространное и значительно отличающееся от первого и второго посланий и по своей композиции, и по содержанию. В третьем послании митрополит Игнатий анализировал не только события, связанные с урало-сибирским старообрядчеством, но и подробно писал об истории ересей в России, обильно цитируя «Просветитель» Иосифа Волоцкого. В третьем послании нашла отражение и тема массовых старообрядческих самосожжений, которые в последние десятилетия XVII в. получили широкое распространение не только в европейской части России, но и в Сибири¹¹. Внутри структуры третьего послания особое место занимают художественно оформленные главы (в том числе рассказы о «гарях»¹²), которые именуются автором посланий «повестями» или «сказаниями». Они имеют сюжетное строение и ярко выраженную литературную специфику, в них содержатся элементы вымысла, присутствуют чудеса, знамения, образы и мотивы из Священного Писания. Как правило, в каждой повести содержится нравоучение, в котором обосновывается неправота и даже пагубность учения защитников «старой веры». Именно эти эпизоды, представляющие литературную реконструкцию реальных событий, заинтересовали Дмитрия Ростовского. По-видимому, они привлекли его внимание своей ярко выраженной эмоциональной окраской и дидактической заряженностью. Анализ текста «Розыска» позволил установить, какие главы из третьего послания митрополита Игнатия были использованы автором трактата. Помимо указанных выше 25-й и 53-й глав, писатель привлек еще следующие главы: 15-ю («О Капитоне Колесниковском»), 27-ю («О еретиках подрешетниках»), 28-ю («О мурашкинских сгоревших повесть»), 29-ю («О волхвователем еретике, арменоподражателе»), 31-ю («О собравшихся на сожжение у проклятого Дометиана тюменского») и 33-ю («О Ваське, томском еретике»)¹³.

Любопытно, что Дмитрий Ростовский выстраивает и формирует из указанных текстов свои главы в составе «Розыска» и дает им новые названия. Содержательно эти названия указывают на то, что писатель обращал внимание на те фрагменты повествования (или детали сюжетов) источника, которые представляли для него наибольший интерес и в его интерпретации приобретали ведущую роль в контексте трактата. Например, текст, основанный на главе «Сибирских посланий» «О еретиках подрешетниках», получает название «Девка изюмом причащает». То есть для автора «Розыска» этот аспект – извращенное в кругу «подрешетников» таинство причащения – приобретает особое значение в повествовании о старообрядцах данного толка, являясь его маркирующим признаком. Так, он пишет: «Причастие же у них бяше некое волшебное, не хлеб, но ягоды, изюм глаголемыя, чарованием напоенныя» (л. 16 об. третьего счета). В «Сибирских посланиях» об этом было сказано так: «И дерзаху окаянные называти у себе причащением некое волшебение» (с. 211).

Тот же подход можно наблюдать при использовании писателем главы (по словам митрополита Игнатия «чюдныя повести») «О мурашкинских сгоревших повесть». В «Розыске» писатель дал тексту название «О сожигающихся радуются беси», сделав таким образом смысловой акцент на кульминационной части сюжета – зловещем знамении, сопровождавшем «гарь». В повести рассказывается о том, как над объатым пламенем овином, в котором горели старообрядцы, летали бесы, радостно восклицая «Наши, наши есте!» (с. 212). Примечательно, что Дмитрий Ростовский называет погибших в огне старообрядцев «демонскими мучениками», вкусившими перед самосожжением «волшебного причастия» (в «Сибирских посланиях» в этом месте было «скверное причащение»). Как и в предыдущей главе, автор «Розыска» развивает здесь тему волшебства, чародейства, которая присутствовала и в «Сибирских посланиях». Оба автора использовали обвинение старообрядцев в колдовстве с целью дискредитации их учения и обрядовой практики.

¹¹ О массовых самосожжениях крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII – начале XVIII века см.: Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 81–179.

¹² Панич Т.В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–141.

¹³ Следует отметить, что названия глав третьего послания даны перед текстом послания, однако в самом тексте они отсутствуют, приводятся (не всегда) лишь их порядковые номера.

Представления обличителей старообрядцев о том, что они якобы использовали в отправлении своих обрядов практику колдунов и чародеев, нашли отражение также в главе «О волхвователем еретике, арменоподражателе», входящей в «Сибирские послания». Автор «Розыска», пересказывая ее содержание в двенадцатой главе своего трактата, дал ей следующее название: «О сердце младенческом, разрезанном в чарования». Таким образом, особое значение для писателя и в этом случае имел кульминационный момент сюжета, где реализован мотив чародейства, волшебства (волхования), совершается человеческое жертвоприношение. Здесь повествуется о том, как некий «вологодский житель», прельщенный «лестным учением» старообрядческого отшельника и пришедший к нему с целью «пожити в чистоте» и избавиться от грехов, становится свидетелем страшного действия. Отшельник, якобы исповедующий «истинную» веру и практикующий крайний аскетизм, в действительности проявляет себя как «волхв и чародей». Он совершает магический ритуал: изготавливает из высушенного и истолченного в порошок сердца новорожденного младенца «святыню» (как называет ее отшельник, по словам же рассказчика: «чарование свое святынею нарек») для привлечения новых «самоизвольных мучеников».

Входящие в «Сибирские послания» главы «О собравшихся на сожжение у проклятого Дометиана тюменского» и «О Ваське, томском еретике», представляющие литературно обработанные рассказы о старообрядческих «гарях»¹⁴, в «Розыске» были объединены в одну главу и также получили новое название – «Сожженнии вопиют под землю “Ох, погибли!”». В обеих повестях использован мотив голосов из загробного мира: и там и там звучит возглас погибших в огне старообрядцев, сожалеющих о своем трагическом выборе – добровольной гибели в огне. Именно эту мысль выносит автор «Розыска» в название главы.

Думается, что Димитрий Ростовский, давая новые названия используемым сюжетам и «историям» в структуре «Розыска», действовал в соответствии с задачей третьей части своего трактата – показать «злые дела» раскольников.

Помимо новых названий глав, Димитрий Ростовский отчасти редактирует и сам текст источника. Писатель не всегда точно цитирует текст, а передает его содержание в пересказе, убирает повторы и, как правило, сокращает его, извлекая основной смысл. Таким образом, можно констатировать такую особенность работы писателя с текстом, как его стремление к лаконизму в изложении материалов источника. Так, он сократил текст главы, повествующей о Капитоне Колесниковском. Например, целиком опустил рассуждения митрополита Игнатия о символике пасхального яйца, отражающие также средневековые представления о мироустройстве: яйцо как образ видимого мира. Очевидно, Димитрий Ростовский счел эту вставку здесь неуместной, так как основной его задачей было представить истинный образ Капитона как властного наставника, продемонстрировать его чрезмерное постничество и показной характер аскетизма, а также суровое обращение с братией. Сравним (совпадения выделены курсивом):

«Сибирские послания»

Видевшие же его нецыи от поселян, якобы постнически жителствующа, приидоша и соживяху ему, имеюще его, яко наставника себе. И исперва убо крепце нудящася воздержанми, да ни в праздник Рождества Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, хотяше сыра, и масла, и рыбы вкушати, ниже на святую Пасху, ниже

«Розыск»

Нецыи бо от поселян, видевшие постническое его житие, приидоша и сожителствоваше тому, и наставника себе того имеяху. Он же толикое показоваше пощение, яко ни в праздник Рождества Христова, ни на святую Пасху хотяше разрешити на сыр и на мясо, или на рыбу. Но точию хлеб и от семен, и от ягод,

¹⁴ В первой повести речь идет о «Березовской гари», которая была организована бывшим священником тюменской Знаменской церкви Дометианом в январе 1679 г. на реке Березовке, в нескольких верстах от Ялуторовской слободы Тобольского уезда. А второй рассказ посвящен трагическим событиям 1690 и 1691 гг. в д. Поломошной Томского уезда, где организатором «гари» был Василий Шапошников (история этих «гарей» исследована А.Т. Шашковым. См.: Шашков А.Т. Избранные труды... Екатеринбург, 2013. С. 87–88, 96–97).

в день святых верховных апостол Петра и Павла, ниже в день празднества Успения пресвятыя Богородицы разрешаше когда, разве *точию от семян, и ягодичия, и прочих, растущих от земли.*

На святую же Пасху по обычаю христианскому ни *яиц* обагренных, сиречь *красных*, восхоте *братии предлагати*, аще и велико-торжественное праздника Пасхи в сем красном яйце образуется. Знаменует бо яйцо всю тварь. Твердь, сиречь скорлупа, знаменует небо, белок знаменует воздух сей, его же воздыхаем, желток – всю землю и в ней море. Все же яйцо, цело суще, украшено краснейшим видением, сиречь обагрено, являет, яко Христовою кровию небо и земля, и весь мир очервенится и украсится... но *вместо того подаде им червленого горкаго цыбула, сиречь луковицы...* (с. 203).

и от иных плодов земных вкушаше со ученики своими. В пресветлый же праздник Воскресения Христова *вместо красных яиц луковицы* (на поле против текста пояснение: цибулю. – Т. П.) *червленныя даяше братиям...* (л. 15 об – 16 третьего счета).

Автор «Розыска» опустил также те части текста источника, где сообщается о критическом отношении Капитона к иконографическому образу Богородицы, где она изображена «в царских одеяниях и в венце». А, например, текст фрагмента из «Сибирских посланий», в котором повествуется о неприятии Капитоном «новописанных» икон, в «Розыске» уместается в одну сухую фразу:

«Сибирские послания»

Видев же диавол готова его суца ко приятию козней его, вложи ему помысл, яко не подобает новописанным иконам поклоняться. Аще бы Спаса Христа или пресвятыя Богородицы, или святых, но *точию* каково ветхаго писма и стараго, и зачачаделаго, аки бы издревле писаны. И егда в дом где вхождаше, аще видяше икону новописанну и сияющую новописанием, тогда никакже не поклоняшеся той святей иконе (с. 204).

«Розыск»

Учае же не поклоняться святым иконам новым, старым токмо (л. 16 третьего счета).

Как можно наблюдать, в результате работы с текстом источника может меняться и стиль изложения, который в большей степени соответствовал той жанровой форме, которую избрал автор «Розыска». Необходимо отметить, что, наряду с сокращениями, которым подверглись и другие главы источника, Дмитрий Ростовский иногда вносит в используемые тексты казалось бы мелкие, но по сути своей весьма значимые смысловые изменения. Например, он отредактировал сведения из «Сибирских посланий», где сообщалось о подготовке Лепихиным (при содействии Авраамия Венгерского), который, как отмечал автор послания, владел навыками иконописца («иконника»), «листа в лицах» – изображения, дискредитирующего и оскверняющего патриаршую Церковь. Автор «Розыска» по-своему интерпретирует изложенные митрополитом Игнатием факты, представляя результаты собственных логических рассуждений. В отличие от рассказа источника, в его трактовке антицерковная агитация хулителей Церкви приобретает более опасный характер,

так как она направлена на широкую аудиторию. Если в «Сибирских посланиях» фигурирует один «лист» (что предполагает воздействие рисунка «злых лжепроповедников» на ограниченный круг лиц), то в «Розыске» говорится о том, что были изготовлены «листы многия» (т.е. изображение Церкви, пребывающей, по мысли защитников древнего благочестия, во власти дьявола, было растиражировано). «Листы» рассылались в «окрестные пределы» с целью привлечения новых сторонников «старой веры». Привожу для сравнения фрагменты исходного и переработанного текстов, где наглядно видны и текстуальные, и смысловые различия (курсив мой. – Т. П.).

«Сибирские послания»

...нецыи убо ... со злыми своими лжеучителями, со окаянным Якункою Лепихиным и со проклятым чернцем Венгерским, жидовином, написаша рукою скверною на святую Церковь хулы многия, яко воду многу. И ругающесе, написаша Церковь святую и учителя своего, искони злаго врага дьявола, аки змия оплетшася окрест ея и исплевающа яд свой на святых Тайны – святого Тела и Крове Христовы. И таковой лист в лицах окаянный он, Якунка Лепихин, яко сам сый быв иконник, от злаго сердца своего написав, изрыгне. И сим листом превращаше, окаянный, простиши селныя жители. И покусися злочестивый Лепиха Церковь святую сим листом своим во ушесех христиан осквернити (с. 166).

«Розыск»

Якунка и Аврамко, развращающе люди Божия от пути правого, и написаша многия хулы на Церковь Божию, между коими хулами бе и сия. Якунка, сам сый иконописец, изобрази на листе Церковь и дьявола во образе змия, оплетшася окрест Церкви и изблевающа яд свой скверный на пречистых Христовых Тайны. Таковыя листы многия написав, людем раздаяше и во окрестныя послалше пределы, да люди мерзятся Церковию и чуждаются пречистых Христовых таинств (л. 15–15 об. третьего счета).

Другой пример редактирования Дмитрием Ростовским текста источника, в результате которого меняется (или уточняется) его смысл, можно наблюдать, сопоставляя фрагменты, где повествуется об эпизодах личной жизни Якова Лепихина (он обвиняется здесь в убийстве своей первой жены) и о его антицерковной деятельности (он «престец сый», присвоил священнические функции и незаконно совершал таинства православной церкви). И здесь автор «Розыска» вносит свои коррективы в используемые материалы. Митрополит Игнатий в «Сибирских посланиях», говоря о совершенном Лепихиным преступлении, ссылался на рассказы неких верных свидетелей («повествуют нецыи вернии свидетелие») – замечание, которое давало основание предполагать, что это могли быть всего лишь слухи, распространявшиеся недоброжелателями Лепихина. Автор «Розыска» опускает фразу источника о разговорах свидетелей, прямо пишет о Лепихине как убийце жены, что вносит новый смысл в повествование. В результате у читателя отредактированного текста исчезает любое сомнение в преступлении Якова Лепихина. Эта деталь делает образ старообрядческого лидера, и без того наделенный ранее резко негативными оценочными характеристиками, еще более отталкивающим. Писатель по неизвестной причине не называет также фамилию его второй жены, как это было в источнике. Кроме того, сокращает фрагмент, где перечислены имена единомышленников и сообщников Лепихина по антицерковным деяниям, видимо, посчитав этот текст здесь избыточным (о них уже ранее не раз сообщалось). В результате авторской переработки меняется не только содержание, но и стилистика текста. «Очищенный» от эмоционально окрашенных и уничижительных высказываний и оценок, направленных в адрес Лепихина и других вожаков раскола, он приобретает вид лаконичной справки, содержащей сухие сведения о биографии Якова Лепихина. Сравним (курсивом выделен опущенный в «Розыске» текст):

«Сибирские послания»

Той бо окаянный проклятый Лепихин, верхотурский служивой атаман баше, имея же у себе жену первую, ю же, *повествуют нецыи вернии свидетелие*, яко убил есть. И поят вторую жену от рода нарицаемых Тырковых. От нея же и дочь едину имяше. Видев же прелести своей и проклятому богоотступству сообщника, сего вышеименованного проклятого арменина Астомена, и послушная учения проклятого Дометиана Тюменского и жида Аврамка, лжесечернца Венгерского, начат окаянный Лепиха учеников себе совводити. И устроился сам себе священником и вся таинства Церкви нашае православныя, якобы он праве точию мудрствует, действовати, а не точию, яко простец сый и мирский, но и двоеженец. И начат учеников своих, *поселян*, жен раждающих, молитвою очищати, и *детем имена в молитвах нарицати*, и *огласительныя молитвы*, и крещение творити, и якобы от некоторых приимая издалека таинств причащати, и исповедовати же, и постригати в чин иночества, и *болящих маслом святити*, и погребати, и разрешительныя молитвы творити (с. 239).

Таким образом, работа Дмитрия Ростовского с текстом «Сибирских посланий» Игнатия (Римского-Корсакова) имела свои особенности. Заимствуя повествовательный материал источника, писатель прибегал к разным способам его использования и редактирования: простому пересказу текстов, их сокращению, изменению стилистики, некоторому переосмыслению, уточнению отдельных фрагментов, переименованию названий привлекаемых сюжетов в соответствии с задачами своего трактата. Можно утверждать, что «Сибирские послания» являются одним из наиболее важных текстов, привлеченных Дмитрием Ростовским при подготовке «Розыска» и по тому месту, которое они занимают в композиционной структуре трактата, и по тому влиянию, которое они оказали на его содержание. Послания митрополита Игнатия (главным образом третье послание) были использованы при написании шести глав третьей части книги. Они стали для автора «Розыска» ценным источником сведений не только по истории старообрядческого движения в Сибири, событий и фактов о реальных участниках урало-сибирского протеста и их лидерах, но и по истории и идеологии раскола в целом, с чем Дмитрий Ростовский прежде не был близко знаком.

Литература

Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1984. С. 193–198.

Никулин И.А. Игнатий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 125–127.

«Розыск»

А Якунка Лепихин бе прежде в Верхотурье служивой атаман, имел же первую жену, уби ю и поят другую и роди с нею дочь. Та же в расколническое мудрование уклонися, наречеса поп, и не освящен сый, иерейская действоваше, кроме литургии. Жены раждающыя молитвою очищаше, младенцы крещаше, людей исповедоваше и причащаше неведомо каковым причащением, аки бы ему издалеке от некуду приносимым. И в чин иноческий изволяющыя постригаше, и мертвыя погребая, разрешательную им чтяше молитву (л. 15 третьего счета).

Никулин И.А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2015. 312 с.

Панич Т.В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–141.

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. / сост. А.С. Зернова, Т.Н. Каменева. М., 1968. 567 с.

Федотова М.А. Дмитрий // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 8–17.

Федотова М.А. Святитель Дмитрий Ростовский: Житие, Служба, чудеса. Исследование и тексты. СПб.: Пушкинский дом, 2022. 559 с.

Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург: Баско, 2013. 733 с.

Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891. 562 с.

Юхименко Е.М. Неизвестный источник «Розыска о раскольнической брынской вере» Дмитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли: мат-лы конф. 1996 г. Ростов, 1997. С. 155–161.

References

Fedotova, M.A. (2007). Dimitriy [Dmitriy]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow. Vol. 15, pp. 8–17.

Fedotova, M.A. (2022). *Svyatitel' Dimitriy Rostovskiy: Zhitie, Sluzhba, chudes. Issledovanie i teksty* [St. Dmitry of Rostov: Life, Service, Miracles. Research and Texts]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom. 559 p.

Nikulin, I.A. (2009). *Ignatiy* [Ignatiy]. In *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow. Vol. 21, pp. 125–127.

Nikulin, I.A. (2015). *Preosvyashchennyy Ignatiy (Rimskiy-Korsakov), mitropolit Sibirskiy i Tobol'skiy* [Eminent Ignatius (Rimskiy-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Yekaterinburg, Yekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya. 312 p.

Panich, T.V. (2019). Povesti o staroobryadcheskih “garyakh” iz Sibirskih poslaniy Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) [Stories about Old believer’s “Burns” in the Siberian Epistles by Ignatiy (Rimsky-Korsakov)]. In *Vestnik Yekaterinburgskoy duhovnoy seminarii*. No. 2 (26), pp. 124–141.

Panich, T.V. (2019). Sibirskie poslaniya Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) po spisku БАН, Arhangelskoe sobranie, С 220 [Siberian Epistles of Ignatiy (Rimsky-Korsakov) published from manuscript БАН, Arkhangelsk Collection, С 220]. In *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoy mysli i kultury*. Novosibirsk, pp. 156–247.

Shashkov, A.T. (2013). *Izbrannyye trudy* [Selectas]. Yekaterinburg, Basko. 733 p.

Shlyapkin, I.A. (1891). *Sv. Dimitriy Rostovskiy i ego vremya (1651–1709)* [St. Dimitri of Rostov and His Time (1651–1709)]. St. Petersburg. 562 p.

Voronova, L.B. (1984). Arheograficheskiy obzor spiskov sochineniy Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Archaeographical Review of Copies of Works by Ignatiy Rimskiy-Korsakov]. In *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya ehpoi feodalizma v Rossii*. Novosibirsk, Nauka, pp. 193–198.

Yukhimenko, E.M. (1997). Neizvestnyy istochnik “Rozyska o raskol'nicheskoy brynskoй vere” Dimitriya Rostovskogo [An Unknown Source of the “Search for the Schismatic Bryn Faith” by Dimitri Rostovsky]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli: Materialy konferentsii 1996 g.* Rostov, pp. 155–161.

Zernova, A.S., Kameneva, T.N. (Eds.). (1968). *Svodnyy katalog russkoy knigi kirillovskoy pechati XVIII v.* [The Consolidated Catalog of the Russian Book of the Cyrillic Printing of the 18th Century]. Moscow. 567 p.